

да развития языка (вхождение в лексический состав новой заимствованной лексики, неоднозначность ее грамматического восприятия и освоения, противоречие грамматических характеристик слова существующим общественным отношениям и т. д.). Другие возникают как отражение несовершенства лексикографической практики, их грамматические характеристики нередко зависят от языкового вкуса составителей словарей и степени их осведомленности о глубине проникновения фактов устной (разговорной) речи в литературный язык.

Библиографические ссылки

1. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: грамматические формы, ударение. М. : Астрель, АСТ, 2005.
2. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. М. : Книга, 1989.
3. Словарь алкогольных напитков. Кулинария. URL: <https://slovar.cc/kulinar/alkogol/2212195.html> (дата обращения: 18.10.2021).
4. Классификация виски. URL: <http://www.foast.ru/drinks/whiski/classification.shtml> (дата обращения: 18.10.2021).
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. : под. ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984 гг.
6. Соловьев Н. В. Словарь правильной русской речи. М. : Издательство АСТ : Издательство «Астрель» : Транзиткнига, 2004.
7. Русский орфографический словарь / Ин-т рус. яз. : под ред. В. В. Лопатина. М. : АСТ-Пресс, 2008.
8. Алабугина Ю. В. Самый полный орфографический словарь русского языка / Ю. В. Алабугина, Ф. С. Алексеев. М. : Издательство АСТ, 2020.
9. Вольнец Т. Н. Современный русский язык. Морфология. Минск : Изд-во РИВШ, 2013.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ СООТНОШЕНИИ АДЪЕКТИВНЫХ И СУБСТАНТИВНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ СЕМАНТИКИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В. К. Голубева

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, v.k.golubeva9@gmail.com*

В статье рассмотрен ряд прагматических установок создателя текста, обуславливающих выбор определенного грамматического способа выражения семантики принадлежности и – шире – относительности, а также контекстуальные условия, допускающие употребление нескольких конкурирующих

категорий (притяжательное/относительное прилагательное, форма родительного падежа существительного) либо одной из них.

Ключевые слова: относительное прилагательное; притяжательное прилагательное; имя существительное; генитив; семантика принадлежности; референциальность; транспозиция.

Говоря о функциональной специфике грамматических средств, следует отметить тот факт, что их прагматический потенциал лежит в области вариаций соотносимых структур для выражения заданного содержания. Иными словами, закрепление за грамматическими единицами «дополнительных коннотаций» обусловлено возможностью выбора коммуникантов: прагматика центрируется там, «где нет грамматической обязательности, но есть грамматическая допустимость» [1, с. 126].

Это утверждение в принципе применимо к единицам разных языковых уровней, проблемам функционального соотношения которых с позиции коммуникативной целесообразности посвящено множество научных работ. Так, если, например, в социофонетике изучается уместность того или иного произносительного варианта в зависимости от сферы использования и его закрепленность за речью носителей языка определенного социального слоя; если лексикологи и лексикографы производят членение словарного состава языка и выявляют тончайшие различия парадигматически связанных единиц, отражая их в словарях нового типа, то одной из актуальнейших задач грамматистов является не только фиксация морфологического и синтаксического разнообразия языковой системы, но и детальное описание функциональной специфики грамматических синонимов, соотношения каждого из них с остальными, их прагматический и эстетический потенциал.

В данной статье рассматривается один из участков грамматической системы русского языка, в рамках которого конкурируют адъективные и субстантивные категории. Цель работы – выявление ряда аспектов функциональной специализации, с одной стороны, относительных и притяжательных прилагательных, а с другой – существительных в форме родительного падежа при выражении ими семантики принадлежности в узком смысле и относительности – в более широком.

Как отмечают исследователи категории посессивности, способы выражения одного и того же содержательного противопоставления в разных славянских языках неодинаковы. Так, если в чешском и сербском в смысловую оппозицию формируют, скажем, разные суф-

фиксы притяжательных прилагательных, в болгарском – притяжательное прилагательное и предложная группа с *на*, то в русском – прежде всего адъектив того же разряда и посессивный родительный [1, с. 131]. В системе одного языка на примере соотношения адъективного и генитивного способов выражения посессивности исследователи рассматривают эволюцию линейной структуры словосочетания. Так, в ряду вариантов *Петров дом*, *дом Петров*, *дом Петра* и *Петра дом* предпозиция атрибута была исконно свойственна русскому языку, а его постпозиция являлась либо поздним, либо иноязычным фактом [1, с. 143].

Изучая вопрос в синхронном срезе с целью описать определенную прагматическую маркированность той или иной грамматической категории для ее спецификации, лингвисты выделяют такие оппозиции, как «типизированность – индивидуализированность», «отчуждаемая – неотчуждаемая принадлежность», «наличие или отсутствие пейоративной окрашенности» у конструкции, включающей в качестве определителя адъектив или субстантив в форме генитива. Например, в паре *профессорская дочь* и *дочь профессора* первый член по сравнению со вторым оказывается маркированным по признаку «типизированность», а также приобретает способность выражать отрицательную коннотативность.

Притяжательные прилагательные в русском языке выступают специализированным грамматическим средством для выражения посессивности, однако они, как известно, образуются от ограниченного числа тематически и структурно заданных производящих – собственных имен на *-а*, чаще всего гипокористических (*Машин*, *Серезжин*), нарицательных существительных, обозначающих в основном термины родства, на *-а* (*тетин*, *сестрин*, *мачехин*) или на согласный (три прилагательных – *братнин*, *мужнин*, *зятнин*) [2, с. 63; 3, с. 194]. Соответствующую семантику могут выражать и генитивные конструкции, способные передавать и иные смысловые отношения, однако не знающие подобных рестрикций и представляющие собой в современном русском языке более универсальный и распространенный способ экспликации посессивных отношений. Ср.: *Маруся подобрала шелестящее ракушечное ожерелье Эле-Фантика и побрела домой* (А. Дорофеев)¹.

Посессивность (как в узком, так и в широком смысле слова – как значение отношения) способны выражать и относительные прилага-

¹ Здесь и далее контексты приводятся по [4].

тельные, которые так же, как и притяжательные, коррелируют с родительным падежом имени: *Так они прозвали <...> комнату перед верхним **директорским кабинетом**, в которой работала Поликсена Васильевна Торопецкая* (М. Булгаков) = *кабинетом директора*.

Несмотря на возможные взаимозамены, по сравнению со стилистически нейтральной генитивной конструкцией такие прилагательные все же тяготеют к разговорному регистру. Ср.: *Авторская накладка? Нет, право поэта. Комментарий необходим, комментарий. И лучшего, чем из **лермонтовского** «Саши», не придумаешь...* (Ю. Давыдов) – возможна замена на конструкцию «*Саши*» Лермонтова. В случае же *На основе принципа наименьшей скорости рассеяния энергии в неравновесных **процессах Онзагера** найдены доли тепловой энергии...* – возможность субституции в обратном направлении (существительное → относительное прилагательное: *онзагеровских процессах*), причем в научном тексте, сомнительна.

Кроме того, образованию относительных, как и притяжательных, прилагательных в целом могут препятствовать определенные морфологические особенности мотивирующего существительного, а также составной характер имени, от которого необходимо образовать адъектив.

Имя существительное как определитель другого субстантива, в отличие от прилагательного, допускает возможность синтаксического распространения различными грамматическими средствами: ***президентское** послание и послание **президента Республики Беларусь**; Поддерживаем **председательское** мнение и Поддерживаем мнение **председателя комитета**; В ее [бабушкиных] словах Колюня распознавал подспудный **страх умудренной жизнью женщины*** (А. Варламов) – ср.: *женский страх*.

Помимо структурных ограничений, существуют и некоторые семантические факторы, предопределяющие выбор адъективного или субстантивного средства для выражения заданного содержания.

Принято считать, что в рассматриваемых парах именно существительным скорее свойственны референциальные употребления (указывающие на принадлежность конкретным лицам / связанность с ними). Относительные же прилагательные часто выражают более абстрактное, например функциональное ('предназначенность для кого-, чего-либо в принципе') значение, свойственность классу лиц/объектов в целом). Ср. приведенное выше противопоставление *профессорская дочь* и *дочь профессора*, а также контексты: – *Вот сюда, – сказал он,*

методично показывая то одно, то другое, – сыплют коноплю, **канаречную смесь, муравьиное семя или соловьиный корм**, смотря по тому, какую птицу желают поймать (Ю. Домбровский) – смесь для канареек; семя, какое едят муравьи; корм, пригодный для питания соловьев; *Непомерная голова муравья, как бы закованная в панцирь цвета старой меди, яростно <...> шевелит усами* (Б. Кенжеев).

Действительно, активное взаимодействие лексико-грамматических разрядов прилагательных, склонность адъективов к переходу из одного разряда в другой приводят к размыванию границ между ними, причем возможность употребляться в ином, не только первичном значении обеспечивает смысловые приращения и востребованность таких языковых средств в речи, нацеленной на языковую игру, обогащение подтекста и в целом на реализацию эстетической функции языка. В контексте А. Ремизова *Водил ее Медведь по лесу, деревья выворачивал, медом пичкал и всякие **медвежьи шутки** выкидывал* прилагательное не только задает корреляцию с номинацией обозначенного в позиции конкретного персонажа, но и актуализирует целый комплекс культурно обусловленных коннотаций и ассоциаций.

Если имя прилагательное способно указывать на лицо – предмет отношения и одновременно актуализировать набор его устойчивых, закрепленных в сознании носителей языка качеств (*Силин заделался парторгом в своем физическом институте – чин, между прочим, весьма высокий, почти **директорский*** (Н. Климонтович), то субстантивный генитив выпуклее представляет лицо/существо как участника ролевых отношений, т. е. актуализируется не только или не столько определительная функция существительного, сколько его исходная предметная, субстанциональная семантика. Ср.: *С удовольствием читаем **мягкие женские публикации** Ольги Бирючевой и Натальи Кулишовой; Сами же мужчины возмущаются **доступностью женщин**, считая **их** легкомысленными и легкодоступными*. В первом контексте посессор и производитель имплицитного действия (*публикации*) обозначен посредством постпозитивных по отношению к этому существительному имен собственных, поэтому в прилагательном *женские* усиливаются качественные семы, подкрепляемые другим адъективом (*мягкие*). Во втором же контексте генитив *женщин* определяет главное слово и актуализирует субъектно-объектные отношения, поддерживаемые местоимением-существительным, коррелирующим с соответствующей частью речи (*женщин – их*).

С другой стороны, нельзя не заметить, что эти свойства – появление у адъектива вторичных, качественных сем, многослойность его интерпретации в рамках контекста – могут обуславливать коммуникативную нецелесообразность его использования в тех стилях и жанрах, в которых данные фоновые коннотации оказываются неуместными, а наоборот, требуются стилистически нейтральные, свободные от образности языковые средства.

Диффузность адъективной семантики (в т. ч. грамматической) создается и за счет того, что категория числа прилагательного, согласуемого с определяемым именем, передает информацию о количестве лиц/предметов, обозначаемых определяемым словом, а не тех лиц/существ, отношение к которым данное прилагательное выражает. Ввиду этого адъектив в принципе лишен возможности указывать на единичность или множественность посессора в обобщенном смысле слова.

Иногда это становится понятно с учетом лексической семантики и грамматических характеристик главного слова в словосочетании «прилагательное + существительное», а также более широкого контекста. Так, в текстовом фрагменте *На крыше балагана была распластана огромная **медвежья шкура** с передними лапами, свисающими над краем крыши* (Ф. Искандер) субстантив *шкура*, определяемый прилагательным *медвежий*, указывает на референциальную отнесенность последнего к единичному объекту действительности. Или: *На голубом мху лайка нашла **медвежьи следы**: взбуровлен весь мох – **медвежья свадьба*** (Е. Замятин) – на множественность живых существ (по крайней мере двух), от названия которых образовано прилагательное, указывает в микроконтексте семантика словосочетания *медвежья свадьба*. В случае же *Тихо было, **медвежьи следы** поднимались в ближайшую заманиху стланика, Илья присел машинально, проглядывая низ зарослей* (В. Ремизов) с точки зрения отношения к определенному количеству лиц адъективный признак оказывается недифференцирующим.

В этом отношении существительное в составе генитивной конструкции на первый взгляд служит более специализированным средством количественной характеристики посессора, поскольку с помощью категории числа оно способно указывать на количество референтов: ***Глаза ребенка** наполняются слезами, он низко опускает голову* (В. Розов); *Там царил страшный, веселый беспорядок, на стенках висели **рисунки детей**, его читателей* (Д. Гранин).

Однако часто граммема числа вовлекается в процессы транспозиции и, скажем, форма единственного числа приобретает обобщенно-собирательную семантику. При этом у генитива существительного первичные семы «единичность, конкретность посессора» нейтрализуются, а признак «универсальность, типичность для определенного класса лиц/существ» выступает на первый план, в результате родительным падежом задается «родовая референция» [5, с. 75; 6, с. 17]: *Установлено, что рисунок линий на **руке ребенка** заметно изменен, если его мать болела коревой краснухой в период беременности.*

Как видно, прилагательное и существительное как компоненты ответствующих синонимических конструкций имеют различные механизмы развития вторичных значений, однако явления транспозиции в сфере каждой из этих частей речи стирают четкость противопоставлений, задаваемых первичной семантикой граммем, обеспечивают большую гибкость взаимозамены прилагательных и существительных.

Вместе с тем индивидуальный контекст нередко создает условия для употребления лишь одного из конкурирующих средств, а употребление второго при этом вносит совершенные иные смысловые оттенки, ср.: *Выяснилось также, что действительно существуют такие понятия, как **мужское** и **женское счастье** (СМИ)* – замена относительных прилагательных на субстантивы *счастье мужчин(-ы) и женщин(-ы)* смещает акцент с понимания счастья как особой категории для каждой из этих родовых групп к рассмотрению их совместного счастья.

Таким образом, выбор языкового средства для выражения семантики принадлежности (относительности) предопределяется системой как первичных, так и вторичных значений лексико-грамматических категорий, а также рядом морфофонематических и структурных ограничений, задаваемых контекстом.

Библиографические ссылки

1. Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Языки русской культуры, 2000.
2. Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы / отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. СПб. : Нестор-История, 2018.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа, 1972.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.08.2021).

5. Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи: функциональный аспект. М. : Наука, 1990.

6. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М. : Языки славянской культуры, 2004.

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СПОРТ»

Ду Цзюань

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, 40026730@qq.com*

В докладе представлены результаты исследования словообразовательного потенциала абстрактных имен существительных, относящихся к тематическому полю «Спорт». Описаны типы словообразовательных гнезд, формируемых данными лексемами (двусловные, цепочечные, веерные, древовидные), выявлены структурно-семантические особенности парадигматических и синтагматических связей производных лексем внутри интересующих нас словообразовательных гнезд, установлены стандартные (прогнозируемые и регулярные) наборы производных.

Ключевые слова: тематическое поле; словообразовательный потенциал; словообразовательное гнездо; словообразовательное значение; производное слово.

Современная лингвистика обладает богатым арсеналом данных, позволяющих определить и описать словообразовательный потенциал и словообразовательную активность не только существующих в языковой системе лексико-грамматических разрядов слов, но и лексем, входящих в различные тематические поля.

Цель нашего доклада – выявить особенности словообразовательного потенциала абстрактных имен существительных, входящих, по данным «Русского семантического словаря» [1], в тематическое поле «Спорт».

Для достижения данной цели нами было проанализировано 86 производных имен существительных, у которых абстрактное значение, связанное со спортивной тематикой, является первичным.

В ходе проведенного исследования было установлено, что словообразовательный потенциал лексем из тематического поля «Спорт» отражается в следующих типах словообразовательных гнезд (далее – СГ):